

Дева
Дракона
Владоум

Manga
gaia
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В57

Владоум

В57 Дева Дракона / Владоум. — М. : Мангата, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-6053682-3-6

С детства Велия сталкивается с жестокостью и насмешками. Даже мать унижает ее, вымещая на дочери злобу. Единственный источник любви и поддержки для девушки — бабушка. Но когда она покидает дом, мать продает Велию в рабство.

В новом мире, куда попадает девушка, правят драконы и магия. Жизнь Велии кардинальным образом меняется: два принца стремятся завоевать ее расположение. С первым, драконом из Солнечного королевства, она заключает сделку и становится Светлой — его фиктивной наложницей. Но второй принц, из Огненного королевства, не оставляет попыток покорить ее сердце.

Вскоре Велия обнаруживает, что является носителем древнего гена Девы Дракона. Но если об этом кто-то узнает, девушка останется пленницей до конца своих дней.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Владоум, текст, 2025
© Издание на русском языке, оформление
издательство «Мангата», ООО «Норгис-
пресс», 2025

ISBN 978-5-6053682-3-6

*Дева Дракона — мать. Ее великий дар
в детях, а сила в их отце.*

*Пособие прилежной Светлой, введение
(переписанное издание)*

Глава 1

— Зачем ты вообще купил ее? — раздается высокий женский голос. — Ее лицо похоже на сливу!

— Молчи, — ворчит мужчина.

— Как я могу молчать, если товар испорчен!

— Синяки заживут. Волосы отрастут.

— Они же грязные! — суетливо восклицает женщина, потом успокаивается и тише добавляет: — Ни фигуры, ни лица. Мы даже не знаем, умеет ли она читать.

— Волосы серые. Откормим, и фигура появится. Читать ей и не нужно. Нет таких правил.

Воняет свежей рыбой, солью и едва уловимой, но знакомой елью. Я пытаюсь открыть глаза, но делаю это с трудом. Правое веко так и остается закрытым, словно приклеенное. Это меня беспокоит меньше всего, ведь рядом я замечаю низенького, но крупного смуглого мужчину. Он похож на пень дуба. Почти все его лицо закрывает пышная, но лохматая темная борода.

Он выжимает тряпку и прикладывает ее к моему лицу. Когда мокрая ткань касается кожи, изо рта вырывается

то ли плач, то ли вой. Лицо жжет, колет и пульсирует. Я хочу вскочить и убежать, но ноги не слушаются. Мне удастся поднять руку, но ее покалывает. Я мычу, когда из глаз текут слезы и кожу начинает щипать сильнее.

— Тише, глупая, — недовольно шепчет мужчина-пень, — тебя нужно заштопать.

— Что тут штопать? — продолжает ворчать женщина. — Тут проще выбросить и сшить новое!

Она подходит ближе, но слезы застилают мне глаза. Лишь высокий тонкий силуэт мелькает перед глазами. В нос ударяет приятный и сладкий запах клубники. Боль на секунду утихает.

— Дипак, — едва слышно произносит женщина, — если она не очнется до Лунного Королевства, то будешь ее обеспечивать сам. У меня денег нет.

Ее голос напоминает жужжание надоедливой, приставучей мухи. Обычно такая мешает работать, кружит над ухом и редко, но кусается.

Слышатся быстрые легкие шаги, затем скрип двери. Тишина. Ее нарушают только едва слышные крики чаек.

Где я?

Воспоминания не приходят. Пялюсь в деревянный потолок, пока Пень продолжает умывать мое лицо. Жжения уже почти нет, но кожу пощипывает. Слезы не сразу, но высыхают. Рассматриваю лицо мужчины. Оно покрыто пятнами, рубцами и морщинками. Особенно заметны две длинные глубокие морщины на лбу и несколько в уголках глаз. Черные волосы до плеч украшены тонкими косичками. Темные зрачки мечутся по моему лицу. Мужчина не сразу замечает мой пристальный взгляд, но вскоре на его губах расплывается теплая улыбка.

— Очнулась. Хорошо.

Хочу спросить, кто он и что я тут делаю, но вместо слов издаю мычание, чувствую, как в уголках губ скопилась слюна.

Пень словно читает мои мысли и кивает:

— Продали тебя. — Замолкает и, кажется, думает, стоит ли продолжать. Потом выдыхает и хмурится. — Мать.

Я больше ничего не слышу. В ушах сердце отбивает ритм. Картинка перед глазами мутнеет. Хватаю ртом воздух, пока пульсация в висках усиливается.

Такого не может быть. *Ложь.*

Пытаюсь встать. Тело противится, когда я дергаю ногами. Судороги сводят конечности, и даже легкое движение сдавливает грудь. Я снова плачу. Уже начинаю кричать, но к моим губам подносят чашку с отваром, силой вливают его в горло. Я кашляю и пытаюсь выплюнуть жижу, но только захлебываюсь и сглатываю.

— Все будет хорошо, глупая, — шепчет мужчина. — Я тебя вылечу, и ты начнешь новую жизнь. Спи.

Хочу закричать и обругать его, но глаза слипаются, и я проваливаюсь в очередной сон. Просыпаюсь и засыпаю снова и снова. Ко рту подносят то нечто горькое, похожее на лечебные травы, то рыбный суп. Каждый раз тело откликается болью. Ноги скручивает. Руки снова колет, к лицу прилил жар. Я кричу и молю прекратить, но затем снова проваливаюсь в бездну беспомощности.

Наконец кошмар прекращается, и спустя время просыпаюсь в поту. Одежда липнет к спине, по шее текут струйки воды. Вдруг меня подбрасывает. Изо рта вырывается очередной крик. Глаза ищут, за что бы ухватиться. Падая, цепляюсь за ножку кровати, всем телом прижимаюсь к полу. К горлу подступает тошнота. Перед глазами

пляшут пятна. Я зажмуриваюсь и тихо всхлипываю, молясь Земному Дракону.

Кажется, что спустя вечность тряска прекращается. Я лежу еще несколько минут, прежде чем осторожно подняться. Только когда понимаю, что боли почти нет, позволяю себе размять конечности. Мышцы затекли и невыносимо ноют.

Кручу головой, осматривая помещение. Оно настолько маленькое, что здесь помещаются лишь кровать, кроватная тумбочка и стул. Крупицы света просачиваются через небольшое круглое оконце над кроватью. До ушей доносится плеск воды.

Корабль!

Вдруг дверь распахивается, и входит мужчина-пень. Я сразу узнаю его и замираю. В его взгляде читаю удивление, а затем облегчение. Он издает шумный длинный вздох, прикрывая дверь, и присаживается на стул около входа. Затем кивает на кровать, приглашая меня сесть, и я нехотя повинуюсь.

— Что помнишь?

В голове нет ни одной мысли о прошлом. Кто я? Что я тут делаю? Есть только тишина и едва ощутимая боль в голове и мышцах. Тру виски, пытаюсь ухватиться за нити воспоминаний. Память подводит.

— Ничего не помню, — стыдливо признаюсь я и утыкаюсь ладонями в лоб.

— Это к лучшему, — вдруг ободряюще произносит мужчина и упирается руками в колени, чтобы подняться. Он выходит, а затем приносит миску супа и пару красных яблок.

Живот предательски урчит. Пень улыбается и ставит миску перед моим носом на тумбочку. Получая его одо-

брение, я набрасываюсь на еду, игнорируя наставления мужчины. Уши отказываются слушать, а разум уплывает далеко в небытие. Внутри разливается приятное тепло от супа, тело обмякает, голова перестает гудеть. Я опустошаю миску и отодвигаю ее в сторону, довольно вытирая рот тыльной стороной ладони. Только теперь в голове проясняется.

Беру яблоко, откусываю и смотрю на мужчину. Он начинает говорить первым:

— Я отвечу на два вопроса.

Я послушно киваю и без раздумий спрашиваю:

— Почему я здесь?

Пень издает громкий смешок, чешет затылок и выдает:

— Тебя продала мать. Так она мне представилась. У нее был очень потрепанный вид. Сначала я отказался — ты выглядела почти мертвой, — но потом и сам не понял, почему сказал да. Я заплатил ей четыре мешочка монет, — на его лице мелькает недовольство, — она ушла, а я опомнился спустя час. Выхаживал тебя почти два месяца. Подсыпал сон-травы, чтобы раны заживали быстрее.

Четыре мешочка монет.

Оказывается, я могу стоять так много. Бабушка с трудом накапливала мешочек за год, хотя работа повитухой* может приносить и больше. С трудом удерживаюсь от того, чтобы вскочить, когда эта мысль рождается в голове. Зажмуриваюсь, пытаюсь вспомнить еще что-то. Но ничего припомнить так и не удается.

Открываю глаза. Пень терпеливо сидит, склонив голову. Он ждет второго вопроса.

* Женщина, помогающая при родах.

— Если меня продали, то что я должна буду делать? — спрашиваю, так и не придумав вопроса получше.

— Работать в одном из Королевств Драконов, — незамысловато отвечает мужчина и встает, останавливается на секунду, а затем предупреждает: — Выходить из каюты нельзя. Я буду приходить время от времени, чтобы вывести тебя на прогулку. Не более.

Он уходит, не дав мне и шанса что-то сказать. Я остаюсь в тишине, слыша только стук сердца. Складываю руки на груди, вяло опускаю голову на подушку и зарываюсь носом в одеяло.

Как же так? Что мне делать?

10 Почему я выглядела полуживой и ничего не помнила? Что могло произойти, чтобы мать продала меня в рабство при Королевском дворе? Прошлое утекает, как крупички песка сквозь пальцы. Временами в голове про скальзывают отрывки прошлого, но они такие короткие и неразборчивые, что я с трудом могу соединить их в одну картину. Сон не приходит, и я ворочаюсь еще около часа, а может, и больше.

Я знаю, кто такие Драконы, знаю о Шести Королевствах, даже знаю, что делать во время родов, но ничего не помню о самой себе...

Я уже нахожусь на грани сна и реальности, когда где-то сверху раздаются детские крики. Подскочив, бегу к двери, дергаю ее и удивленно поднимаю брови. Не заперто. Нос улавливает запах дыма, а тело рвется вперед. В коридоре замечаю еще несколько дверей, мчусь мимо них к лестнице. Забираюсь выше и оказываюсь на еще одном таком же этаже.

Глаза начинает щипать, горло сдавливает. Прижимаюсь ближе к полу, закрываю нос воротом ночной рубашки,

а после поднимаю взгляд, заметив свет и ощутив тепло, идущие со следующего этажа. Оттуда же слышатся крики. Мчусь к лестнице, забираюсь выше и отшатываюсь. Посреди коридора полыхает огонь. Щупальца пламени кидаются в сторону, голодно рыщут, безжалостно поедая деревянные пол и стены. Жар ударяет в лицо, воздуха почти нет. Сердце колотится, виски сжимает. Не задумываясь отступаю.

Идти вниз или пытаться пробежать сквозь огонь?

Я медлю, боясь приблизиться к пламени. Мне ничего не известно о пожаре на корабле. Мнусь, обдумывая, что делать, но не успеваю принять решение, как сквозь крики, треск дерева и мужскую брань слышу детский плач. Он где-то совсем рядом. Делаю первые неуверенные шаги, а когда он замолкает, не раздумывая кидаюсь вперед, открываю дверь.

В просторной каюте — две двухъярусные кровати, под одной из которых прячется девочка. Подбегаю к ней и протягиваю ладонь. Она поднимает на меня затуманенный взгляд, ее губы трясутся, изо рта вырывается кашель. Говорить тяжело, дым продолжает драть горло, но я выдавливаю:

— Пошли!

Девочка хватает мою ладонь и вылезает из-под кровати. Когда мы выбегаем в коридор, безжалостное пламя уже поедает дверь и стену напротив. С меня течет пот, кожа горит. Приходится приложить усилие, чтобы посмотреть в сторону, откуда доносятся крики. Понимаю, что там не пройти, и веду ребенка прочь. Девочка тихо всхлипывает, но бежит следом.

Спускаемся на этаж ниже. В поисках помощи открываю каждую дверь, но каюты либо закрыты, либо пусты. В одной замечаю широкое окно, в которое без труда

пролезет не только ребенок, но и я. Приходится проверить, насколько далеко от нас источник огня, чтобы не находиться под ним. Только после этого закрываю дверь и наконец распахиваю окно.

Мы кашляем, жадно вдыхая воздух. Снаружи уже стемнело. Я осматриваюсь и замечаю богатое убранство каюты. Она похожа на ту, в которой пряталась девочка, но тут стоят большой обеденный стол, застеленный белой скатертью, два высоких шкафа, на каждой стене — по четыре подсвечника.

12 Когда дыхание приходит в норму, я вновь высовываюсь наружу. Снизу замечаю пол. Это напоминает большой балкон корабля. Поворачиваю голову и вижу лестницу, ведущую на основную палубу. Мнусь первые секунды, думаю переждать, прежде чем прыгать, но мой взгляд встречается с глазами девочки. Она тяжело дышит, глаза широко раскрыты, губы дрожат.

— Ягодка, как тебя зовут? — шепчу я. — Слышишь? Как твое имя? — повторяю громче, пока она оглядывается по сторонам.

— Л... Линда, — с трудом выговаривает девочка, подавляя всхлипы.

Линда.

Я знаю это имя. Лицо девочки кажется смутно знакомым. Хмурюсь, тру лоб, когда в голове вспыхивают воспоминания, но не успеваю их прочувствовать, как слышу знакомый крик. Поворачиваю голову и вижу мужчину — пня и две фигуры. Женщина рядом с ним вскрикивает, видя нас, и прижимается к мужчине.

— Мама! — Линда машет рукой, начиная реветь с новой силой. Я продолжаю таращиться на них, как вдруг слышу грозный приказ:

— Прыгайте! — голос Пня звучит уверенно, но я все равно чувствую в нем нотки тревоги.

Помогаю ребенку спуститься, а затем выпрыгиваю сама. Линда бежит к матери, обхватывает ее за талию и начинает плакать еще сильнее. Я могу лишь глупо улыбаться, глядя на воссоединение семьи, но вдруг на мое плечо опускается массивная ладонь.

— Молодец. Хорошая работа.

Я киваю, продолжая следить за девочкой, словно та все еще нуждается в моей защите. Затем поворачиваюсь к мужчине и хочу спросить, что случилось, но он будто понимает мой немой вопрос и рассказывает о неаккуратных гостях, устроивших пожар. Заметили его поздно, а когда спохватились, то оказалось, что коридор уже охвачен пламенем. Пытались пробраться к дверям, но не смогли. Девочка осталась в каюте, чтобы порисовать, пока родители прогуливались по палубе. Тогда-то мужчина-пень и вспомнил о каюте для королевской семьи с небольшим балконом. Думал, что придется разбить окно.

13

Замечаю в его руках длинную металлическую палку и киваю. Крики постепенно утихают, а спустя несколько минут мужчине сообщают, что пожар потушен.

— Как ты выбралась?

— Ты оставил дверь открытой, — говорю правду ижимаю плечами. Мужчина протягивает руку, предлагая проводить меня к себе, но я прошу: — Можно мне остаться тут ненадолго? Я подышу и вернусь.

Кажется, что легкие до сих пор поедает ядовитое пламя, отчего мне так трудно насытиться свежим воздухом. Делаю глубокие вдохи снова и снова. Вскоре Пень и семья уходят, и на балкончике я остаюсь одна.

Сажусь и прижимаюсь к стене, подтянув колени к груди. Только сейчас замечаю на небе звезды и полумесяц. В голове снова и снова мелькают пожар и лицо Линды. Тело начинает дрожать, по щекам катятся слезы. Теплый ветерок нежно треплет волосы, убаюкивая. На корабле все еще раздаются приказы, слышатся топот и разговоры. Глаза закрываются, дыхание выравнивается, а слезы высыхают. Я почти засыпаю, как вдруг наконец вспоминаю, где же видела эту девочку и ее семью.

*Дева Дракона благословлена.
Матерями Драконов, а потому должна
служить мужу и его семье верой
и правдой.*

*Пособие прилежной Светлой, введение
(переписанное издание)*

Глава 2

Прошлое

15

Солнце садится за горизонт. Слышится надоедливый писк комаров и мошек, неподалеку жужжат майские жуки, начинают петь сверчки. Работа продолжается. Я пропалываю грядки картошки, временами посматривая то на мать, то на начальницу. Почему нужно так долго задерживаться на полях? Мы еще не ужинали. Даже вредные насекомые уже лакомятся капельками крови, садясь на мою бледную кожу.

— Может, уже прекратишь хлопать? — злобно рычит мать, не отрывая глаз от земли.

— Они кусаются, — тихо шепчу я, в очередной раз прибив уже изрядно жирную комариху. На правом локте остаются ее внутренности и пятно крови.

— Никого не трогают, кроме тебя, — доносится мне в ответ.

— Своих не трогают, — как можно тише ворчу я и получаю оплеуху от начальницы. Высокая и худощавая, та стоит рядом и слышит даже мой шепот.

— Мелкая права, — картавит она и наконец объявляет: — Собираемся домой, ребята! Рабочее время закончено. Продолжим завтра.

Сегодня бабушка Тоня наверняка будет печь пирожки с картошкой. Все дерево уже наверняка пропахло жареным тестом, и целая тарелка моей награды стоит на столе. Бабушка готовит не так часто, но ее пирожки всегда получаются самыми нежными и сочными.

16 Мы с матерью бредем в сторону дома, проходя мимо гигантского дерева главы округа. Длинные ветви, устремленные в небо, украшены разноцветными флажками. Они теряют свой цвет из-за наступивших сумерек. Только сияшки — светящиеся бутоны цветов — освещают резные окна. Внутри ведет узорчатая массивная дверь, над которой возвышается небольшой балкончик. На нем всего несколько мгновений назад стояла маленькая девочка, но, заметив нас, скрылась в глубине дерева.

Наше дерево совсем другое.

— Что за выкрутасы на поле? — косится на меня мать. Голос ее груб. Лицо освещается уличными сияшками, отчего и без того пугающие глаза становятся еще страшнее.

— Они правда кусались, — мнусь, прежде чем ответить, — я не нарочно.

— Закрой рот, — громче рычит мать, точно зверь, и я замолкаю.

Еще в четыре года я усвоила один главный урок: если эта женщина что-то говорит, то никогда не шутит. Она всегда сдерживает обещания, поэтому почти никогда не дает их. Двенадцать лет назад она воткнула вилку мне в левую руку, когда я без остановки плакала, прося мяса.

Земное Королевство славится вегетарианством. Люди здесь почитают жизнь почти любой твари, а убийство живого существа строго карается. Исключением стала лишь рыба. Ее здесь уминают за обе щеки без вины и терзаний совести. Эти же люди научились выращивать плоды, которые будут посытнее любой ножки жаренного цыпленка. Вот только эта дрянь не лезет мне в горло. Желудок отказывается принимать такую еду и старается избавиться от нее сразу же, стоит мне проглотить хотя бы кусочек. Он требует настоящего мяса, что в этих местах осуждается. А потому временами я втайне ухожу в глубь леса и охочусь на куропаток, уток или зайцев. Разделяваю, развожу огонь и жарю. Нет ничего вкуснее свежего крылышка птички. Может, поэтому в деревне дети со мной не дружат. Остальные же обходят стороной.

Наше крошечное деревце расположено на окраине деревни. Оно напоминает засохшую ветку. Гнилой корень уже торчит из земли, ствол наклонен вправо, сухие ветки не плодоносят. Стены истончились из-за насекомых, отчего в ветреную погоду я боюсь, что стихия может унести нас прочь. Наверняка поэтому двор огорожен таким же повидавшим жизнь заборчиком.

Зайдя в наш старенький домик, я останавливаюсь. В нос не бьет дурманящий запах пирожков. Испуганно шагая в сторону кухни, я вскидываю руки. На столе ни крошки. Кастрюли пусты. Печь холодная. Живот недовольно урчит.

Ну как же так? Неужели бабушку Тоню снова вызвали? Интересно, кто рожает на этот раз? Поблизости живет как минимум семь женщин в положении. И как же долго мне придется оставаться один на один с матерью?